

И.Б. Дмитриев

НЕЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ,
БОЛЕЕ ИЛИ МЕНЕЕ НЕЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ:
ОНТОЛОГИЯ ВОЛИ К ВЛАСТИ
НИЦШЕ И АКТОРНО-СЕТЕВАЯ ТЕОРИЯ ЛАТУРА

Статья посвящена рассмотрению акторно-сетевой теории, представленной в трудах французского социолога Бруно Латура, с точки зрения рецепции основных онтогносеологических концепций Фридриха Ницше. В центре внимания – оппозиция речи в терминах сил и речи в терминах субстанций, которые не только конкурируют, но и взаимно обуславливают друг друга в рамках истолкования смысла научно-познавательной деятельности. Теория Латура представлена как последовательное претворение ницшеанской концепции воли к власти в современных интеллектуальных условиях с учетом ряда корректировок.

Ключевые слова: акторно-сетевая теория, актер, актант, сила, релятивизм, ирредукционизм.

Поистине, трудно доказать всякое бытие и трудно заставить его вещать.

Так говорил Заратустра

Влияние мышления Ницше на современную интеллектуальную культуру – тема, широко открытая и спустя десятки лет после того, как Хайдеггер, Фуко и Делез предложили свои ницшеанские (как в смысле прямой референции, так и в смысле разработки унаследованных идей) концептуализации.

Бруно Латур – тот из современников, кто, с нашей точки зрения, с наибольшим основанием претендует на место в ряду «аутентичных ницшеанцев». В данной статье мы хотим показать, каким образом концептуальные решения, легшие в основу акторно-сетевой теории, встраиваются в широкую перспективу, открытую с ницшеанской критикой научной рациональности.

Коммуникации Латура и Ницше имеют множество резонирующих черт. Среди них, между прочим, обилие милитаристских метафор. Герои «Науки в действии», кажется, только и делают, что мобилизуют союзников, укрепляют позиции, атакуют, ведут переговоры, – вместо того чтобы заниматься истиной. Но, согласно Латуру, только занимаясь всем этим, они и способны обрести истину. Пожалуй, никакой другой современный опыт интерпретации ученой деятельности не стоит ближе к Ницше с его определением истины как «мобильной армии метафор», – особенно если вспомнить, что метафора означает превращение, *перевод* – одну из ключевых позиций акторно-сетевого лексикона.

Однако наиболее важным мыслительным ходом, который по следам Ницше разрабатывает Латур, нам представляется критика дискретной границы, положенной старой интеллектуальной традицией между бытием формы *субстанции* и бытием формы действия, эффекта, *силы*. Следующую идею Ницше мы находим в ядре латурианского проекта: субстанция, выступающая в наблюдениях в *качестве* носителя *качеств* и инстанции эффектов порядка, подлежит переописанию в виде ансамбля сил, композита явлений формы действия, обретающего свою *идентичность* по мере производства определенной формы сопряжения сил.

Идеальной иллюстрацией данного различия служит сквозная метафора «Науки в действии» – метафора бога Януса. Дело, однако, не только в том, что лик молодого бога обращен к научным фактам на стадии их формирования, а лик старого – к фактам, прочно установленным и стандартно учрежденным. В области отношений двух различаемых способов тематизации диахронический (исторический) и синхронический (структурно-онтологический) моменты соплагаются взаимозахватывающим образом, экспликация которого предполагает вовлечение прагматического аспекта самих обсуждаемых исследовательских инициатив.

Корректное сопряжение этих двух уровней реализации исходного различия (которые как бы являются продуктом прогрессирующего удвоения самой этой различенной двойственности) – задача, которую мы принимаем из рук наших героев во исполнение особой интеллектуальной дисциплины, существенно отличной от дисциплины Просвещения. Вкратце ее смысл таков: наблюдение чего-то в качестве чего-то не должно быть истолковано в духе классического стремления к разрешению субъекта / объектной дилеммы – ни в варианте «стягивания» определенности к полюсу субъекта (солипсизм / произвол интерпретации / радикальный конструктивизм), ни в противоположном варианте (реализм / натурализм).

Два лика Януса – две ипостаси бытия. В лице старца божество вещает об объективных истинах и определенностях в себе, благодаря которым только и возможно распределение высказываний в перспективе различения истинного / ложного. Лик юноши за каждой вещной инстанцией видит «образование могущества», сцепление сил, неопределенность взаимодействий.

Главное отличие сил от субстанций заключается в невозможности идентифицировать первые вне их отношения к другим силам. «Сущность силы в том и заключается, что сила соотносится с другими силами; именно в соотношении она обретает свою сущность и качество»¹. Неуловимая идентичность сил в их производстве идентичных тел реализуется исторически, это означает, что деятельность исследователя является частью продолжающейся истории взаимодействий и актов «коммуникативного насилия» по перформативному утверждению бытия акторов, «запечатыванию» сил, закрытию черных ящичков или, напротив, по критическому «растворению» акторов, раскрытию черных ящичков, разворачиванию неопределенностей. Обнаруживает себя определенность структуры распределения прагматических приоритетов: какие-то идентичности подвергаются редуцирующему переописанию в приоритетном порядке, за другими утверждается право на реализацию *качества субстанциальности*. При этом речь о коммуникативном насилии и авторском произволе узнаваемым (но не строгим) образом ограничена той мерой, в какой лабилизация конфигураций сил размывает основания для утверждения идентичностей, а устойчивость конфигураций эти основания питает. Здесь сказывается историчностный момент ограничения самой возможности исследования: «...социальные связи можно проследить, только когда они изменяются»². Устойчивые идентичности препятствуют наблюдению производящей их констелляции сил, иные же в условиях осуществимости наблюдения их условий сами теряют способность длиться. Эта не-синтетическая диалектика бытия и его условия получает реализацию в научной коммуникации: «...вера в факт – это результат риторического убеждения людей в том, что их не убеждали»³. Она же ложится в основу латурианской реконструкции драмы нововременного сознания: «...механизм, создающий различия, приводится в действие именно за счет <...> отказа осмыслить квазиобъекты, поскольку он влечет за собой распространение нового определенного типа бытия: *объекта, конструирующего социальное, но изгнанного из социального мира*»⁴.

Для самого Латура приоритетным в перспективе «подрывного» переописания объектом является «Общество». «Существование

общества – это часть проблемы, а не ее решение», – провозглашает он. «“Общество” составлено, сконструировано, собрано, устроено, слеплено и смонтировано. Оно больше не может рассматриваться как скрытый источник причинности, который якобы следует привлечь для того, чтобы объяснить существование и устойчивость какого-то другого действия»⁵. Для Ницше же такими приоритетными – со знаком минус – объектами, помимо Бога, были его секулярные двойники: волевой субъект в качестве суверенной инстанции человеческого психофизического композита и определенная «в себе» вещь объективного мира. Программным в этом смысле является следующий пассаж мыслителя: «Всякое единство есть единство *лишь* как *организация* и *взаимодействие*: совершенно так же, как человеческое общество (когда мы его называем единством); следовательно, тут дано нечто *противоположное* атомистической *анархии*, т. е. некоторая *организация власти*, которая *означает* единство, но не *есть* единство. А что если всякое единство существует только как единство организации? Ведь “вещь”, в которую мы верим, *изобретена* лишь в качестве основы для различных предикатов. Когда вещь “действует”, то это значит, что мы принимаем *все прочие* ее свойства (которые вообще ей присущи, но в данный момент скрыты) за причину того, что теперь выступает данное отдельное свойство; это значит, что *мы принимаем сумму свойств вещи “х” за причину свойства “х”*»⁶.

Важно отметить, что Ницше как первопроходцу интересующего нас стиля смыслопроизводства и как носителю особого полемического запала были свойственны формулировки, чья заостренность и радикальность нередко срабатывают в ущерб удержанию всей силы и сложности открытого им смысла. Агрессивно оппонируя современным ему расхожим концепциям, он, в свою очередь, дает повод к «занижающим» истолкованиям. Дабы «сберечь» тезис Ницше о воле к власти от регрессии к им же критикуемой метафизике двух миров, необходимо подчеркивать, что воля не идентична себе самой, немислима в форме изначального состояния, но уяснима лишь как формула становления становящегося и – вторым, но не менее значимым порядком – бытия пребывающего как *ставшего*.

«“Вещь в себе” есть понятие, лишенное смысла. Если я мысленно устраню все отношения, все “свойства”, всю “деятельность” какой-нибудь вещи, то вещи *не* останется: потому что вещественность лишь *присочинена* нами под давлением логических потребностей, следовательно, в целях обозначения, понимания друг друга»⁷. «“Субъект” только фикция – ego, о котором говорят, когда

порицают эгоизм, совсем не существует»⁸. Эти и другие фрагменты компиляции «Воля к власти» как будто питают рецепцию мысли Ницше в качестве мысли о регистре сил как более предпочтительном, более фундаментальном, более «реальном», нежели регистр субстанций. Нам же важно удержать перспективу, в которой оба регистра предстают как взаимодополнительные. Здесь нам на помощь приходит Латур: «Важно понимать, что эти два определения <...> *относительны* и определяются исходом и конкретными условиями состязания в силе»⁹.

Именно выдержка соответствующего концептуального баланса дает основу для самоотличения латурианской программы от эксцессов, свершающихся под вывесками «постмодернизм», «редукционизм» и т. п. Для «релятивистского релятивиста» или «правильного» конструктивиста (варианты самоидентификации, принятые Латуром после многочисленных оговорок) важно показать, что редукция не может быть осуществлена «одним махом» и что критика рациональности фундаменталистского типа не влечет обрушение всей выработанной наукой и обыденным сознанием системы определенностей. Напротив, смысл корректного («ирредукционистского») *релятивистского* истолкования заключается в том, что определенность, приписывавшаяся в старой традиции к инстанции идентичности, производится в сфере *отношений*. Истина как коммуникативно реализованная определенность той или иной идентичности отныне узнана как произведенная по факту испытаний комплекса сил на продуктивность. Так сбывается со-мыслимость истины и истории, приходящая на смену вытеснению второй в пользу первой, но и удерживающая первую от разрушения. Отнесение к инстанции, лежащей по ту сторону чистого коммуникативного произвола, обнаруживает собственную фундаментальную затронутость историей своего представления. Эта затронутость и есть то единственное, что, при сохранении критериальности как условия производства определенности, образует смысловое препятствие метафизическому полаганию двух миров.

Субъект, истина, *актор*, объект – не какие-то противоестественные паразиты (превращенные формы, моменты ложного сознания), пухнущие на зыбком теле переплетающихся сил благодаря «заблуждениям», «привычке языка» и т. д. Сама природа волящих сил такова, что в своей встрече они «ищут» утверждения идентичности. Взятая на вооружение Латуром, эта онтология обеспечивает его лояльность в отношении определяющих аспектов научной практики: именно производящий поиск идентичностей составляет ту конституирующую черту этой практики, которая обеспечивает ее

осмысленность вопреки любым «релятивистским» интенциям. И именно по шкале от минимально определенного силового эффекта к надежно учрежденной идентичности меряется успех научного предприятия.

«Стоит любым двум неравным силам вступить в отношения между собой, как они составят тело»¹⁰ – эта формулировка Делеза нуждается в корректировке: между первой встречей сил и образованием устойчивого тела умещается машина научно-исследовательского предприятия, этапы которого Латур маркирует рядом квазипонятий. Тематизируя этот переход, на котором определенность уже намечена, но еще не *фигурирована*, эту неустойчивую, неравновесную позицию, он и изобретает термин *актант*. Актант – метка для того, что оказывает сопротивление воздействию. До его законченной фигурации в актора, в полноценное «тело», предстоит серия испытаний, в которых его способность к сопротивлению будет отличена от похожих способностей других, уже известных «тел».

В программной статье «Когда вещи дают отпор» Латур описывает работу ученого как кропотливый труд по отладке коммуникации с вещами на предмет установления их идентичности. Апеллируя к этимологии, автор корректирует определение объективности через ее способность возражать (to object). Искусство ученого заключается, таким образом, в фабрикации условий, при которых безмолвные и равнодушные к человеку вещи могут выступить в роли отчитывающейся инстанции. Поэтому этап получения записей так важен для исследовательского цикла: в отношении записанных данных должен сработать смысл метафоры речи от лица самих вещей, ряды символов должны читаться как их ответы на обращения.

«Лабораторный эксперимент создает для объектов редчайшие, ценные, локальные и искусственные условия, где они могут предстать в своем собственном праве перед утверждениями. Разумеется, речь не идет о полном противопоставлении субъективного и объективного. Напротив, именно в лаборатории (в широком смысле) благодаря, а не вопреки искусственности и ограниченности экспериментальной ситуации достигается величайшая степень близости между словами и вещами. Да, вещи можно сделать достойными языка. Но эти ситуации нелегко найти, они столь необычны, если не сказать “чудесны”, что разработка нового протокола, изобретение нового инструмента, обнаружение нужной позиции, пробы, приема часто заслуживают Нобелевской премии. Нет ничего более трудного, чем отыскать способ, позволяющий объектам достойно противостоять нашим высказываниям о них»¹¹.

Латур не отказывается от ресурсов такого традиционного способа интерпретации научных результатов, как трансцендентализм (в смысле апелляции к трансцендентной, несводимой к конструктивной активности исследователя определенности). Отказ от наивного жеста апелляции к «суду природы» («никакая наука не может выйти из сети, образованной своей собственной практикой»¹²) не отрицает научность по той причине, что невозможно отрицать то «неожиданное усиление – как будто приходящее из иного мира»¹³, которое является результатом «конкретной работы» по сбору и обработке данных. Учитывая сказанное, следует подчеркнуть, что при всей силе новейшей критической волны, обрушенной на конституирующее классический научный идеал различие субъекта и объекта, отрицание его в качестве фундаментального условия производства точного знания едва ли может иметь успех.

В терминах Ницше нужно признать, что сама дискретная отделенность группы сил, *волящих* от инстанции исследователя (субъекта), от группы сил, подлежащих фигурации в качестве природы (объекта), есть некая перво-учреждающая определенность, первое закрепление, отправной момент идентификации в порядке познавательной инициативы. Это первоначальное привнесение срабатывает как фундаментальное условие возможности всего последующего производства определенности. И с точки зрения соблюдения того баланса, который, как мы отметили, освобождает теорию от господства порочной дилеммы, принципиально важным является то, каким образом и насколько успешно будет организован и учтен процесс пересечения установленной границы с обеих сторон.

Здесь мы находим пределы собственной концепции Ницше: для адекватного описания научного процесса его нашумевшее различие господства / подчинения применительно к анализу силовых взаимодействий оказывается слишком грубым. Для доводки онтологии сил до статуса реальной теории научной практики это различие явно нуждается в «релятивизации». В реальной познавательной ситуации – в отличие от политической – господствующая активность реализуется как условие для манифестации господства идентичности иного. Как условие продуктивности конституирующего привнесения субъект-объектного различения в игру сил, между намеченными инстанциями должен быть налажен особого рода производственный обмен, несводимый к примитивной логике господства-собственной-идентичности. Активность исследователя только тогда реализует свое господство в порядке взаимной конкуренции с коллегами, когда сама она употреблена на утверждение активного господства не-человеческого актора в сре-

де родственных ему (природных) сил. Взаимодействие сил формы конфликтного учреждения одних идентичностей за счет других разворачивается, таким образом, на условиях взаимодействия сил характера взаимной поддержки. Тогда как конфликтный режим определяет взаимодействия со-природных, принадлежащих к общей стороне субъект-объектного различия силовых инстанций (как ученые сражаются друг с другом за признание, так полоний бьется с медью, свинцом и висмутом за собственную уникальную идентичность¹⁴), взаимодействия ино-природных «образований могущества» (людей и не-человеков) осуществляются в режиме со-настройки, «диалога». Чтобы стать победителем самому, ученому необходимо встать на сторону победителя, однако этот второй победитель определяется только по результатам победы в борьбе среди тех, кто стремится встать на его сторону.

Сказанного достаточно, чтобы не оставить места заблуждению, будто речь в научном производстве идет лишь о плодах усилий заинтересованных человеческих агентов, как будто значительные усилия должны быть вознаграждены в любом случае – в каком бы направлении они ни предпринимались. Однако не стоит забывать, что все это время мы говорили о естественно-научном исследовании, и именно для его адекватной реконструкции нам понадобилось представить критику ницшеанской концепции силы. Ведь фундаментально-конститутивная роль привнесения субъект-объектного различия в картину борьбы сил характеризует именно естественно-научную коммуникацию. Вся сложность нашего описания с его различием характера взаимодействия сил в двух различных регистрах представления – оборотная сторона простоты объективистской установки.

Напротив, ницшеанская формула власти в ее «сыром» виде срабатывает в тех ситуациях, приложении к которым модели познания требует усложняющей рефлексии субъект-объектного различия. Когда мы говорим о познании там, где производство определенности не форматировано достаточно жестко актом соответствующего различия (контроль на границе не отлажен), там теоретики толкуют о дезобъективации, герменевтическом круге, ангажированности знания и перформативной реальности. В спектре между точным знанием и чистой политикой размещаются практики, в которых форма утверждающего отчуждения идентичности носит ослабленный по сравнению с ситуацией натуралиста, но все же отмеченный определенностью характер. Так, в социально-политической теории отправляется идея общего блага; при этом степень отличимости самой теории от соответствующей практики умень-

шается прямо пропорционально определенности, с которой здесь учреждается субъект-объектная граница.

Соответственно в отношении дисциплин, чьи агенты, несмотря на соответствующие сложности, стремятся сохранить за ними статус знания, всегда уместна речь о «политике» исследователя, о его ставках и рисках – в силу и в меру того, насколько проницаемой для его господствующих интенций является субъект-объектная граница, насколько момент его собственной ангажированности в состязании сил способен срезонировать на отделенной расплывающейся чертой территории «вещей». Все это, несомненно, относится к собственному исследовательскому проекту Бруно Латура в свете вопроса о его востребованности.

Примечания

- ¹ Делез Ж. Ницше. СПб.: Аксиома, 1997. С. 35.
- ² Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М., 2014. С. 223.
- ³ Латур Б. Нового Времени не было. СПб., 2006. С. 13.
- ⁴ Там же. С. 188.
- ⁵ Латур Б. Когда вещи дают отпор // Социология вещей. М., 2006. С. 349.
- ⁶ Ницше Ф. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей. М., 2005. С. 316.
- ⁷ Там же. С. 315.
- ⁸ Там же. С. 215.
- ⁹ Латур Б. Наука в действии. СПб., 2013. С. 135.
- ¹⁰ Делез Ж. Ницше и философия. М., 2003. С. 56.
- ¹¹ Латур Б. Когда вещи дают отпор. С. 351.
- ¹² Латур Б. Нового Времени не было. С. 88.
- ¹³ Латур Б. Наука в действии. С. 380.
- ¹⁴ Там же. С. 150–151.